

— Впрочем, это логично. В городах со строгими порядками, если выйдешь из дома без удостоверения личности и попадешься полиции, тебя отведут в участок и будут допрашивать, пока не установят личность.

— Фанфэн скоро переведет, не беспокойся, выпишь еще немного, — сказала Ду Сылинь. Сяо Цинчжу вчера снова легла только в два или три часа ночи.

— Ты прийдешь деньги или нет? — Ду Сылинь подавила вспыхнувшее раздражение и спросила глухим голосом.

Уловив недобрые нотки в тоне собеседницы, Ду Сылинь продиктовала длинный номер карты.

— Проверь через пять минут, — увидев, что Ду Сылинь уступила, Сяо Цинчжу немного смягчилась.

— Цинчжу, спасибо, что была со мной вчера вечером, — вдруг раздался из трубки ленивый голос Пэн Лофэй.

Ду Сылинь нахмурилась. Разве Пэн Лофэй не съехала еще на следующий день? Вчера Сяо Цинчжу сказала, что у нее полно работы, так почему же она проводила время с Пэн Лофэй? На душе вдруг стало тяжело.

— Вернусь — отдам тебе деньги, — пробормотала Ду Сылинь, но, произнося это, почувствовала, как пересохло в горле. Даже эти простые слова дались ей с трудом.

— Цинчжу... — Пэн Лофэй что-то ласково заворковала. Сяо Цинчжу еще не вставала с постели, неужели они... провели ночь вместе?

Ду Сылинь изо всех сил помотала головой, стараясь не думать об этом. Даже если и спали вместе, что с того? Обе женщины, наверняка она просто накручивает себя. Но сонный, ленивый утренний голос Пэн Лофэй продолжал звучать у нее в ушах.

Ду Сылинь, сжимая телефон, быстро бежала вперед. Ей не хватало воздуха — ей нужно было много, очень много воздуха.

— Нам разве нужно еще выяснять, кто кому должен? — Сяо Цинчжу не знала, что Ду Сылинь слышала голос Пэн Лофэй. Она приложила палец к губам, призывая ту замолчать.

— М-м, — Ду Сылинь, продолжая бежать, коротко отозвалась.

— У тебя там сильный ветер? Почему так шумит? — удивленно спросила Сяо Цинчжу. В прогнозе погоды обещали лишь легкий ветерок.

— Немного пыли, — Ду Сылинь остановилась и постаралась выровнять дыхание. Да, именно из-за пыли ее глаза покраснели.

— Что с тобой? Почему голос такой странный? — обеспокоенно спросила Сяо Цинчжу. Голос Ду Сылинь звучал глухо, словно раскат грома перед грозой.

— Ничего. Отдыхай, ты, должно быть, устала вчера. Я вешаю трубку, — Ду Сылинь сдержала то, что хотела сказать на самом деле, и, не дожидаясь ответа, завершила вызов.

Она подняла голову к небу, сдерживая слезы. Ду Сылинь заметила, что с недавних пор стала плакать гораздо чаще. Остановившись в парке, она бездумно сидела на скамейке у фонтана, глядя на играющих детей.

У Сяо Цинчжу возникло нехорошее предчувствие: с Ду Сылинь явно что-то случилось.

— Цинчжу, ты так сильно ее любишь? — Пэн Лофэй, сидевшая рядом, пристально смотрела ей в глаза.

— Лофэй, в следующий раз, когда войдешь в мою комнату, не забудь постучать, — сухо ответила Сяо Цинчжу. Пэн Лофэй была старше ее, но, видимо, из-за того, что ее с детства баловали, вела себя как неразумный ребенок.

— Цинчжу, почему ты так хочешь уйти от меня? — Пэн Лофэй села рядом и схватила ее за руку.

— Лофэй, тебе пора повзрослеть. Мы не подходим друг другу, — Сяо Цинчжу убрала руку и покачала головой.

— Я совсем не считаю, что мы не подходим! — Пэн Лофэй разгорячилась. — В чем мы не подходим? И чем ты подходишь этой Тайгуан?

— Лофэй, когда мы начали встречаться, ты сама просила дать тебе шанс и время, говорила, что только так можно понять, подходим мы друг другу или нет. Но чувства нельзя заставить подчиниться. Прости, — Сяо Цинчжу мысленно вздохнула, избегая жгучего взгляда Пэн Лофэй.

— А Тайгуан? Чем она тебе подходит? Мы знакомы почти десять лет, и ты говоришь, что мы не подходим, а она? Вы знакомы всего ничего, она тебя не ценит, постоянно бросает! Она трусиха! — громко заявила Пэн Лофэй.

Сяо Цинчжу покачала головой и тихо ответила:

— Чувства не зависят от времени. Если суждено, можно влюбиться с первого взгляда, а если нет — даже друзья детства станут чужими. Лофэй, ты не знаешь Сылинь. Она не трусиха, и больше не говори о ней так.

— Цинчжу... — Пэн Лофэй заплакала. — Не бросай меня, я тебя очень люблю.

— Впервые я встретила Сылинь в кофейне. Меня тогда поразило, почему она выглядит такой холодной и отрешенной, будто весь мир ей безразличен. Даже говорила она крайне скупое, не желая произнести лишнего слова, — вспоминая первую встречу, Сяо Цинчжу невольно улыбнулась.

Пэн Лофэй замерла. Как давно Сяо Цинчжу не улыбалась ей так — кажется, с тех самых пор, как она вынудила ее быть вместе.

— Я искала ее из-за Сяо Ци. Хотела, чтобы она проявила милосердие, пощадила Сяо Ци и отдала ее мне. Она ответила, что ей нужна причина. Я предложила двойную цену, но она ушла, даже не обернувшись. Я тогда думала, что Сяо Ци точно погибнет, но не ожидала, что Сылинь, не жалея себя, проведет обряд упокоения и даже пожертвует своей жизненной силой, чтобы спасти меня. Из-за этого она ослепла. Когда я увидела ее бледное лицо после выхода из затвора, в душе стало так тепло. Сылинь — чистейшей души человек, ее глаза глубоки и всегда ясны. Жаль, что не все могут оценить ее доброту, — Сяо Цинчжу спокойно предавалась воспоминаниям. — Постепенно я стала скучать по ней, когда ее не было рядом. Мне казалось, я чувствую ее аромат, словно она всегда была рядом. Однажды, когда мне было не по себе, я пошла танцевать в ту самую кофейню. Она неожиданно пришла, заказала молоко, но не взяла денег, и я воспользовалась случаем, чтобы заплатить за нее. Я помню, как сказала, что она не умеет улыбаться, и заметила в ее глазах мимолетную грусть. Мое сердце тоже необъяснимо сжалось. Я притворилась пьяной, она повезла меня домой, лифт сломался, и она несла меня на спине на одиннадцатый этаж. Прислонившись к ней, слушая ее дыхание, я почувствовала, как мое встревоженное сердце успокаивается. В тот момент я мечтала, чтобы лестница никогда не кончалась, чтобы она несла меня до самой старости. Но тогда я не была уверена в ее чувствах. Я притворилась пьяной и поцеловала ее, и в этом поцелуе я поняла, что она тоже меня любит — она колебалась, боролась с собой и в итоге прикусила язык, чтобы сдержаться.

— Она боялась любить тебя? — Пэн Лофэй молча слушала. В тот день ей казалось, что в Ду Сылинь нет ничего примечательного, кроме миловидного лица, но сейчас, объективно размышляя, она вспомнила именно те глаза — их невозможно было забыть.

— У нее были свои страхи, но потом... — Сяо Цинчжу рассказала о том, что произошло в музыкальном училище. — Она была готова отдать свою жизнь ради моей. В тот момент, когда мы были на грани смерти, я не чувствовала ничего, кроме беспокойства за нее. Никакого страха. Тогда я поняла, что она значит для меня гораздо больше, чем я думала. Она как воздух: если его отнять, наступит удушье.

— Как воздух... если отнять, наступит удушье, — тихо повторила Пэн Лофэй.

Она что-то поняла, но не до конца.

Вскоре Пэн Лофэй ушла, и Сяо Цинчжу снова позвонила Ду Сылинь.

— М-м? — в голосе Ду Сылинь слышался сильный носовой оттенок.

— Простудилась? Почему голос такой? — заботливо спросила Сяо Цинчжу.

— Нет, — Ду Сылинь не простудилась, но, конечно, не призналась, что это последствия недавних слез.

— Тогда почему в нос говоришь? Одежду купила? — спросила Сяо Цинчжу.

— Нет, — тихо ответила Ду Сылинь. Она же не могла сказать, что одежду ей покупает Фанфэн, а у нее самой нет такого опыта.

— Сходи купи что-нибудь и пришли мне адрес отеля, — решительно сказала Сяо Цинчжу. Она не могла оставить Ду Сылинь одну в чужом городе.

— Хорошо, — Ду Сылинь не знала, зачем Сяо Цинчжу адрес, но послушно продиктовала его.

Поговорив еще немного, Сяо Цинчжу попрощалась — ей нужно было на работу.

Настроение Ду Сылинь немного улучшилось, но ее все еще тяготила близость Пэн Лофэй и Сяо Цинчжу. Впрочем, она предпочла промолчать.

Днем на телефон Ду Сылинь пришел звонок с незнакомого номера. Ответив, она застыла.

— Тетушка?

Это была Ду Кунъян, тетя, с которой они давно не виделись. Ду Сылинь была поражена: откуда она узнала номер?

Вскоре они встретились. Ду Кунъян была одета в простое синеватое ципао и выглядела как настоящая небожительница.

— Тетушка, — Ду Сылинь встала и поклонилась.

— Оставь эти формальности, — Ду Кунъян махнула рукой, она была настроена благосклонно. — О? — едва взглянув на племянницу, она удивленно воскликнула. — Тайгуан, твой Глаз

Небесного Колеса...

Хотя Ду Сылинь старалась сдерживаться, ее нынешняя стать и манеры выдавали изменения.

— Я дошла до второго уровня, — сказала Ду Сылинь, и ее глаза на мгновение вспыхнули золотом, вокруг зрачков зазмеился золотой дракон, издав оглушительный рев. Через мгновение все вернулось в норму.

— Как это возможно... — Ду Кунъян была потрясена. Одна душа и одна сущность не могли достичь такого уровня, да и в книгах второй уровень описывался иначе.

— Не знаю, — Ду Сылинь покачала головой. Она и сама считала это случайностью.

— Почему ты приехала в Шэньхэ? — Ду Кунъян была озадачена. Она искала Ду Сылинь, и Фанфэн сказал, что та в Шэньхэ, хотя сама Ду Кунъян тоже долгое время жила здесь.

— Интуиция, — ответила Ду Сылинь. — Я почувствовала зов души. Листала карту, и только при виде этого города возникло странное чувство.

— Это и есть зов души... — пробормотала Ду Кунъян, погрузившись в себя.

— Что? — Ду Сылинь не расслышала.

— Ничего, — Ду Кунъян улыбнулась и махнула рукой. — Раз приехала — хорошо. Через пару дней сходишь со мной в одно место.

Ду Кунъян было под пятьдесят, но она сохранила грацию и невольную властность.

— Хорошо, — Ду Сылинь кивнула, проглотив готовые сорваться с языка вопросы. Она хотела спросить, почему тетя здесь. Из-за ее потерянной души? Они проговорили еще долго, в основном о делах в семье. Уходя, Ду Кунъян так и не оставила адреса, только номер телефона.

При расчете за кофе Ду Кунъян посмотрела на племянницу с ожиданием — денег у нее, очевидно, не было. Да, яблоко от яблони... у женщин семьи Ду, видимо, наследственная привычка выходить из дома без кошелька.

После встречи Ду Сылинь долго бродила по городу. Ленивый голос Пэн Лофэй все еще звучал в ее ушах, на душе было тяжело, словно на сердце лежал огромный камень. Оказывается, любовь — это такое чувство: горечь вперемешку со сладостью.

В каком-то магазине играла песня со словами: Как горько любить, знает лишь тот, кто любит...

Вернувшись в отель, она не знала, сколько времени — было уже давно темно. Она вошла в номер, не включая свет. Хотела позвонить Сяо Цинчжу, но, нажав на вызов, сбросила. А вдруг она работает?

Вместо этого она отправила короткое сообщение: Что делаешь?

Говорят, если пишешь такое, значит, скучаешь. Видимо, это правда.

Вдруг в комнате вспыхнул свет. Но не от телефона Ду Сылинь. Она заметила, что на кровати кто-то лежит. Бесшумно подойдя, она присела рядом, и сердце наполнилось теплом.

Приехала издалека, наверное, очень устала. Столько работы, вот и уснула от бессилия. Ду Сылинь не мигая смотрела на почти идеальный профиль — она помнила, как при первой встрече Сяо Цинчжу поразила ее своей красотой.

Все слова были лишними. Вся тяжесть исчезла, стоило ей увидеть Сяо Цинчжу. Она была человеком, которому для счастья нужно совсем немного.

В темноте Сяо Цинчжу, видимо, что-то снилось: ее длинные ресницы подрагивали, она свернулась калачиком, как ребенок.

Только и умеешь, что напоминать мне одеваться теплее, а сама спишь без одеяла, — мысленно вздохнула Ду Сылинь. Она сдержала порыв погладить ее по лицу, встала и аккуратно укрыла ее.

— Вернулась? — не то от осторожных движений, не то от чего-то еще Сяо Цинчжу проснулась.

Она посмотрела на Ду Сылинь мягким взглядом, на губах заиграла легкая улыбка. Она накрыла ладонью руку Ду Сылинь, которая еще держалась за край одеяла.

— Почему ты такая холодная? — Сяо Цинчжу нахмурилась. Тело Ду Сылинь должно быть теплым.

— На улице холодно, — мягко ответила Ду Сылинь. — Устала — спи.

— Я еще не умывалась, — Сяо Цинчжу покачала головой, потянула Ду Сылинь за руку, заставляя сесть на кровать, и положила голову ей на колени.

— Почему ты приехала? — Ду Сылинь провела пальцами по шелковистым волосам Сяо Цинчжу, вдыхая ее аромат.

— Не умеешь обращаться с деньгами, не покупаешь одежду, за собой не следишь — просто головная боль, — Сяо Цинчжу перехватила ее руку, сплела свои пальцы с ее.

— Я... — Ду Сылинь покраснела. Почему Сяо Цинчжу говорит с ней, как с ребенком? Но ведь это правда.

— Когда мы говорили по телефону, твой тон был таким подавленным, я так переживала, — добавила Сяо Цинчжу. Услышав тогда ее голос, она была готова прилететь на ракете.

— Я... — лицо Ду Сылинь стало красным, как спелый помидор. Она не могла найти оправданий и спрятала лицо на плече у Сяо Цинчжу.

— Рассказать тебе историю? — улыбнулась Сяо Цинчжу, ее глаза сияли, как полумесяцы.

— М-м, — послушно отозвалась Ду Сылинь, наслаждаясь ароматом любимой.

— Помнишь то зеркало, духа из музыкального училища? — Сяо Цинчжу погладила ее по волосам.

— И что? — этот дух зеркала казался странным: много говорила, но мало делала.

— При жизни она была духом зеркала. В том училище была выдающаяся девушка по имени Дун Су. Самая талантливая студентка, обожавшая танцы. Большую часть времени она проводила в танцевальном зале. Дух зеркала полюбила эту красивую девушку и приняла человеческий облик. Каждую ночь они танцевали вместе, и Дун Су тоже полюбила ее. Но потом об этом узнала семья, и все вокруг ополчились против них. Мало того, что Дун Су полюбила женщину, так еще и не человека, а демона. Большинство людей не приемлет такие союзы. Дун Су не выдержала давления и покончила с собой в танцевальном зале. А твой тетя уничтожила тело духа и развеяла ее душу, — Сяо Цинчжу провела пальцами по волосам Ду Сылинь.

— Что ты хочешь этим сказать? — Ду Сылинь подняла голову, встречаясь с улыбающимся взглядом.

Сяо Цинчжу улыбнулась, не отвечая. Она знала, что Ду Сылинь поймет. Дун Су выросла в комфорте и перед лицом трудностей сдалась, поэтому дух зеркала так не любила трусость Ду Сылинь. Если бы не то давление, Ду Сылинь не призналась бы в своих чувствах.

— Ее последняя частица души рассеялась, — печально сказала Ду Сылинь. Дух явно хотел, чтобы все закончилось. Любимая мертва, надежд нет, и она больше не та беззаботная сущность, что была прежде.

— Дун Су была любимицей ректора, жаль, что она оказалась такой слабой, — Сяо Цинчжу

нежно смотрела на Ду Сылинь. К счастью, ей досталась та, что закалилась в жизненных бурях.

— Ты не оставишь меня, и я не оставлю тебя, — серьезно сказала Ду Сылинь.

— Глупышка, я запомнила твои слова, — прищурилась Сяо Цинчжу.

— М-м, — кивнула Ду Сылинь. Она не дает обещаний легко, но если дает — выполняет.

— А теперь признавайся, ревновала к Лофэй? — Сяо Цинчжу игриво накрутила прядь волос Ду Сылинь на палец.

— ...Да, — Ду Сылинь снова вспыхнула, с трудом выдавив это признание.

— Лофэй... — Сяо Цинчжу хотела что-то сказать, но промолчала. — Не хочешь спросить о нас?

Ду Сылинь покачала головой:

— Если захочешь — расскажешь. Я верю тебе.

Такой уж она была человек. Если не спрашиваешь — она не говорит, всю горечь и радость хранит внутри.

— Ладно, иди умывайся... — Ду Сылинь хотела добавить «и ложись спать», но слова застряли в горле. Она так смутилась, что ее кожа, казалось, вот-вот начнет светиться от стыда.

— М-м, — Сяо Цинчжу видела ее смущение, но не стала подшучивать.

Ду Сылинь была невероятно застенчивой.

Вскоре из ванной послышался шум воды. В голове Ду Сылинь невольно возник образ Сяо Цинчжу, она сжала одежду в руках, чувствуя, как внутри разливается странный жар. Ду Сылинь нахмурилась. Она сидела на кровати там, где только что лежала Сяо Цинчжу, и чувствовала себя крайне неловко, не в силах найти себе места.

<http://bllate.org/book/20972/2128942>